

Олег Ефремов
и Михаил Рошчин
вспоминают
годы молодые

ЕФРЕМОВ — РОШЧИНУ: «Да ладно, Мишка, в крайнем случае, помрем»

**В ЭТОТ ДЕНЬ, 24 МАЯ, ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД
НЕ СТАЛО ОЛЕГА ЕФРЕМОВА**

■ Михаил РОШЧИН

Олег Николаевич любил приезжать к нам в Переделкино, просто повидаться, вырваться из Москвы, воздухом чистым подышать. Его появление будоражило обычно весь Дом творчества, его любили, хотели обласкать, накормить, позвать еще. И тот его майский приезд не был ничем особенно примечательным, если бы... если бы он не был последним.

Жил одиноко, тоскливо, хотя продолжал работать, упорно репетировал «Сирано». Был совсем больным, пшикал то и дело в горло из карманного ингалятора. И дома, и в театре мы видели два особых серьезных аппарата для дыхания, без которых порой вообще не мог обходиться. Ходил тоже плохо, сам за рулем уже не сидел, как прежде. И в тот раз приехал с шофером, на мхатовском «жигуленке». Привез с собою Лялю Котову, свою прежнюю соратницу, завила «Современника» (кто не знает Лялю Котову!) и Таню Горячеву, последнюю помощницу мхатовскую, секретаря. Хотел со всеми сразу повидаться. Я позвонил еще Мише Шatroву, который живет неподалеку на даче, он пришел тоже. В нашей с Таней крохе-комнатке, которая, в отличие от квартиры профессора Преображенского, служила сразу и кабинетом, и спальней, и гостиной (удобства в коридоре), все как-то уместилось. Олег вытянул поперек комнаты свои длинные ноги. Он еще похудел, отпустил бороду, — она ему шла, но незнакомо меняла лицо, выделяя пронизительные, всепожирающие, налитые печалью глаза. «Как у больной обезьянки», — определила моя жена Таня. Обратив гостиную в столовую, она стала нарезать бутерброды, хлопотать вокруг стола. «Надоели

мне эти бутерброды!» — вдруг сказал Олег с сердцем. И за этим опять почудилась такая холостяцкая неустойчивость и вечная сухомятка. Мы переглянулись с Шatroвым — может, позовем к себе, как бывало не раз, но нет, у него жена в отъезде, обедов не готовилось, не до гостей. «А давайте поедим в то местечко, где мы были в прошлый раз», — неожиданно предложил Олег. Он вспомнил как мы действительно обедали как-то неподалеку во вполне приличном «Стейк-хаусе» в Ново-Переделкине.

Пришлось ехать двумя рейсами — в одну машину все не помещались. В «Хаусе» девушки, узрев Олега, вытянулись, разублались. В меню — креветки, рыба, вырезки. У Олега было одно неизменно любимое блюдо — айсбан немецкий, свиная рулька. Девушка отправилась к повару узнать: сподобится для особого гостя на особое блюдо. Оказалось, можно, только надо подождать. Еще в машине Олег завел с Шatroвым разговор о новой пьесе, чуть ли не опять о Ленине, но уже расскоченном, солженицынском. Шatroв был поражен этим предложением. Теперь этот разговор продолжили, но уже без жара. Не так, как бывало прежде.

Пока крутили меню, Олег, приехавший раньше, вспомнил о шофере, который остался в машине, вскоре он присоединился к нам. Это тоже было очень характерно для Олега. «Хаус» славился своим пивом, мы стали заказывать, Олег вдруг объявил с вызовом: «Я тоже буду». Все немного напряглось, но никто не возразил. Когда же принесли кружки, он даже не пригубил его. Курил, правда, непрестанно, пренебрегая всеми советами, то и дело вытягивал из пачки свое неизменное «Мальборо». Когда появилось заказанное, перед Олегом по-

ставили тарелицу с его айсбаном. Он оживился, стал пробовать, учил барышню, каков понастоящему должен быть гарнир, тушеная, а не просто капуста. Не мог удержаться от наставнического тона. Приятно было смотреть, что ему нравится это блюдо. Он и со мной завел привычный между нами разговор о том, что собираюсь делать. Но это было вроде не совсем всерьез, да и я ощущал всю тяжкую тревогу за него, как-то не до театра, кажется не о том думалось. Что-то, должно быть, просочилось в мою интонацию печальное, на что он быстро ответил: «Да ладно, Мишка, в крайнем случае, помрем». Его жесткий реализм, надо полагать, уже отобрал все вероятности, все мысли на этот счет, про себя он все понимал. Но, конечно, все равно хотелось тепла, общения, привычного хода жизни. Но сколько, представьте, надо передумать, какую внутреннюю работу проделать, чтобы легко, почти в шутку сказать такую фразу!

В рестораничке стояли два бильярдных стола, молодые люди, игравшие там и несомненно видевшие Ефремова, деликатно держались поодаль, но потом, когда уже собирались уходить, все-таки набежали за автографами, несли в подарок шампанское. Олег, всегда коммуникабельный, легкий в общении, обаятельный, теперь был настороженным, без радости. Но все же оживился, вступил в разговор.

Ах, не надо его забывать, не надо заслонять, затушевывать любыми новыми идеями, живыми свежими лицами. Оставить и сохранить его в памяти таким, каким он был: негибким, всепожирающим, полным человеколюбия, юмора, правды, мощной жизненной силы.

Вечная память, Олег Николаевич!..